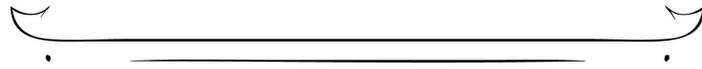

Б. В. Орехов
НИУ Высшая школа экономики
С. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

Архив Р. Г. Назирова как система

В качестве неформальной вводной части скажем, что при работе с архивом Ромэна Гафановича Назирова идея Достоевского и идея мировой культуры действительно оказываются ключевыми и, как следствие, постоянно востребованными¹.

Переходя уже к собственно содержательному разговору, выскажем в большой мере очевидные, но необходимые в данном случае соображения. Взявшись говорить об архиве Назирова как системе, мы сознаём, что систему по большому счёту представляет собой любой архив. Любой архив неслучаен: его состав и отношения между его частями обусловлены интересами и самой цельностью личности составителя, историческими обстоятельствами, которые заставляют последующих хранителей архива изымать из него документы (реже — добавлять), менять их порядок или каким-то ещё способом воздействовать на внутренние отношения между элементами. Сошлёмся здесь для иллюстрации хотя бы на работы Елены Вишленковой об истории формирования университетских архивов².

Так вот мы будем говорить не об этих очевидных соображениях, не будем доказывать, что архивные документы, составляющие письменное наследие Р. Г. Назирова, представляют собой системное явление. Мы сразу перейдём к описанию параметров и свойств этой системы.

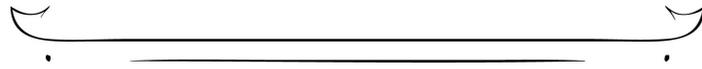
Есть разные вертикали, с помощью которых можно структурировать архив. Среди них формальные (датировка, форма носителей, почерка, мы писали об этом в недавней статье «Текстология Назировского архива»). Но гораздо системнее было бы представление содержимого по семантической и идеологической вертикали. К ней мы и обратимся.

Оставшийся после Р. Г. Назирова архив — вещь совершенно нетривиальная. Нам уже несколько раз приходилось о нём писать³, но почти исключительно с содержательной точки зрения. Действительно, набор тем, которым посвящены дела в архиве, в чём-то ожидаем, в чём-то совершенно удивителен. Так, для доктора филологических наук закономерны многочисленные записи, посвящённые истории русской и мировой литературы, теоретическим и методологическим вопросам гуманитарной науки, черновики и беловики статей и монографий на эти темы. Не

¹ Этот текст был представлен в форме доклада на XXXVIII Международных чтениях «Достоевский и мировая культура» в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского 11 ноября 2013 г.

² См. *Ильина К. А., Вишленкова Е. А.* Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под общ. ред.: Е. А. Вишленкова. М.: [б.и.], 2013. С. 329—357.

³ *Орехов Б. В.* Работа Р. Г. Назирова «Сюжет как компромисс» в архиве учёного (предисловие к публикации) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1—2 (43—44). С. 58—60; *Орехов Б. В.* Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции / отв. ред. О. П. Касьмова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 115—120.

слишком впечатляют косвенно соотносящиеся с основным кругом исследуемых вопросов, но, в общем, смежные с ними серьёзные научные разработки об истории Польши, истории папства, страноведческие записи о французских провинциях. Но вот архивные единицы об истории математики (оп. 1, д. 6), тибето-бирманских народов (оп. 1, д. 26) и ислама (оп. 3, д. 134) уже вызывают удивление. Конечно, эта непоследовательность мнимая и легко разрешается при более подробном знакомстве с интересами и образом мысли Р. Г. Назирова.

Однако специального внимания, как представляется, заслуживает не только «план содержания», но и структура этого объекта.

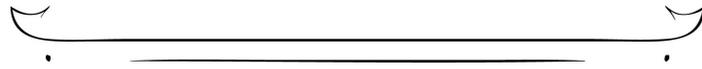
При знакомстве с назировским наследием ассоциации с Борхесом неизбежны. Во-первых, параллели видны на уровне стиля. Не уникальное для этих двух, но всё же вполне узнаваемое свойство иллюстрации тезиса множеством примеров из разных культур и эпох: «В представлениях палеолитических охотников съедение убитого животного ничуть не препятствовало его возрождению; нужно лишь сохранить в целостности его кости. Таков исходный смысл русской поговорки: “Были бы кости, а мясо нарастет”. В фольклоре вайнахов есть сказания о хозяйках леса, которые оказывают гостеприимство заблудившимся охотникам и оберегают дичь. <...> Сходные представления сохранились в греческом мифе о Девкалионе и Пирре — единственных людях, спасшихся от потопа <...>. Многие другие народы тоже считали камни “костями земли”. Е. М. Мелетинский, приведя соответствующую легенду качинов (одно из тибето-бирманских племен), указывает, что она “отражает магический обряд “посева костей”” <...> Быть может, не случайно оссуарии наблюдались у тех же тибето-бирманских племен ещё в XIII веке¹: правда, не у качинов, а у тангутов, северо-восточных тибетцев, царство которых китайцы называли Сися (руины его столицы Хара-Хото открыл русский географ П. К. Козлов). Праздничное жертвоприношение барана у тангутов описал Марко Поло...»². Ср. это с первым эссе о Данте: «Стивенсон (глава о снах) замечает, что в детстве его мучили сны Отвратительного бурого цвета; Честертон (“Человек, который был Четвергом”, VI) вообразил, что на западной границе мира возможно дерево, которое и больше и меньше, чем дерево, а где-то на востоке — башня, злая по самой своей архитектуре. Эдгар По в “Рукописи, найденной в бутылке” говорит о южном море, где корпус корабля растёт, как живое тело; Мелвилл посвящает много страниц “Моби Дика” описанию ужаса перед нестерпимой белизной кита...»³.

Во-вторых, велик соблазн окрестить опись назировского архива «Вавилонской библиотекой»: настолько неожиданно разнообразны значащиеся (и, как и должно, соседствующие) там пункты (оп. 2, д. 1—5):

¹ Ср. выше про специальные материалы, посвящённые тибето-бирманским народам в оп. 1, д. 26.

² Назиров Р. Г. Возрождение из костей в мифах и сказках // Фольклор народов РСФСР: Сборник статей. Уфа, 1982. С. 28—29.

³ Вопросы философии. 1994. №1.

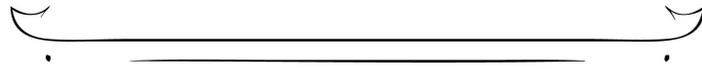
- Турция — история народа и культуры.
- Мир ислама (арабы и мусульманский Иран, Коран, «Шахнаме», «1001 ночь»).
- Франция. Филипп IV красивый и его наследники, его эпоха, столетняя война.
- Отчуждение (статьи Давыдова и Великовского). Отчуждение и человек (статья Огурцова).
- Медицина (шизофрения, эпилепсии, циркулярный психоз и т.д.), новые проблемы психологии. Наркомания¹

Но если в Вавилонской библиотеке был центр (библиотека Борхеса концентрична, вернее, повествователь хочет видеть в ней концентрическую конструкцию; Борхес специальное место уделяет поиску её семантического центра, «каталога»), то у Назирова он тройственен. Список из трёх тематических центров тяготения выглядит следующим образом: 1. *Достоевский*; 2. *История фавулы*; 3. *Миф*. Возможно, при более глубоком проникновении в принципы творческой лаборатории Назирова будет возможно установить и какой-то общий для этих трёх единый протоцентр (собственно, о видимых для нас «макросвязях» мы дальше скажем). Но на данный момент, кажется, считать такое деление атомарным — наиболее соизмеримое реальному положению вещей решение. Вокруг каждого из этих центров организуется своего рода протопланетная система: прямо и косвенно относящиеся к ним рабочие материалы, выписки, черновики.

Отвлекаясь на минуту от материальности архива скажем, что настоящий центр назировского универсума не связан с конкретной рукописью, этот центр есть желание тотального осмысления мировой культуры в её исторически разворачивающемся единстве. Само осмысление — это то поле тяготения, которое объединяет вокруг себя разнородные семантические категории и многоэлементные наборы фактов. Центр назировского интеллектуального мира — интенция тотального интеллектуального поиска и тотального же исторического систематизирования. Однако в собственно научном творчестве эта универсальная стремление к познанию неизбежно структурировалось вокруг нескольких центров.

Достоевский был одним из главных интересов Р. Г. Назирова, интересом для внешнего наблюдателя центральным и основным. Что касается самого учёного, то дело обстоит не столь однозначно: судя по ранним документам архива (в частности, дневнику 1951—1971 годов, а также содержанию рукописей этого времени), Назиров долгое время не считал Достоевского своей главной темой и вообще не был полностью

¹ Борхес приводит в качестве примера книг библиотеки подробнейшую историю будущего, автобиографии архангелов, верный каталог библиотеки, тысячи и тысячи фальшивых каталогов, доказательство фальшивости верного каталога, гностическое Евангелие Василида, комментарий к этому Евангелию, комментарий к комментарию этого Евангелия, правдивый рассказ о твоей собственной смерти, перевод каждой книги на все языки, интерполяции каждой книги во все книги, трактат, который мог бы быть написан (но не был) Бэдой по мифологии саксов, пропавшие труды Тацита.

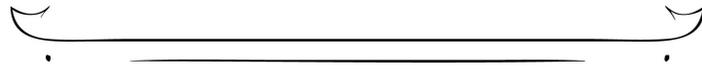

сосредоточен на научной работе, видя себя, скорее, литератором, чем литературоведом. Однако архив в его полном виде, конечно, в значительном степени ориентирован на Достоевского. Эта часть архива весьма обширна: в неё входят изданные и неизданные тексты, многочисленные разработки от темы цвета в произведениях Достоевского до подробного систематического описания эпохи и среды писателя. Это наиболее внутренне цельный логически выстроенный сегмент архива.

История фабулы, в центре которой текст докторской диссертации «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе» (существующий в архиве помимо более-менее финальной машинописи также и в виде нескольких черновых вариантов), очевидно, связан с углублённым осмыслением ключевых фигур, рассмотренных в этой диссертации (собственно Пушкин и Гоголь, а также воспринявшие их традиции Тургенев, Толстой, Чехов и т. д.), что нашло отражение в многочисленных рабочих материалах-конспектах с изложением биографии, обобщений в области поэтики и сюжетики этих писателей, а также с целым роем дополнений, заметок и маргиналий, часто имеющих авторскую помету: «в дополнение к главному труду» с указанием страницы. Собственно, Пушкин и Гоголь в названии и замысле этого главного труда не случайны и явственно связаны с первым названным нами центром. Определить через динамическое соотношение Пушкина и Гоголя можно только одного писателя. Синтез их традиций как раз вычисляется как Достоевский.

Иное качество даёт тема **мифа**. Заметим, что от 1-го к 3-му пункту масштаб темы вообще растёт скачкообразно. Миф покрывает огромную часть выписок и тетрадных пачек концентрирующих колоссальный набор данных о мифах почти всех народов и эпох и о мифе как фундаментальном принципе культуры. Собственно, в совокупности эти тетрадные записи излагают всю историю мировой культуры через призму мифа. Это довольно существенная часть архива, к которой могут быть отнесены десятки дел из описи. При этом миф сложным образом вбирает в себя и Достоевского (XXI глава в монографии о мифе называется «Мифы и прозрения Достоевского»), и историю фабулы («Фабула — выражение национального мифа» говорит Назиров в рукописи, очевидно, предназначавшейся для выступления на защите).

Протопланетные системы вокруг названных тематических центров устроены неодинаково. Если для фабулы и мифа источниками тяготения служат вполне очевидные рукописи итоговых трудов («Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул» и «Становление мифов и их историческая жизнь»), то на роль главной работы о Достоевском могут претендовать сразу несколько вершинных текстов. В их числе опубликованная монография «Творческие принципы Ф. М. Достоевского», связанный с ней курс лекций «Достоевский. Проблематика и поэтика», а также незавершённый труд «Этюды о Достоевском». Какой из этих текстов «сильнее», пока неясно, а может быть, и сам вопрос, поставленный так, был

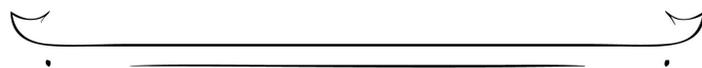
бы поставлен неудачно, потому что этот фрагмент пространства Назировского архива попросту может быть (и, скорее всего) лишён единоначалия. Если продолжать астрофизические аналогии, эта система представляет собой не привычную нам планетную систему с одной массивной звездой в центре, а более редкий, но вполне распространённый тип планетной системы с взаимно обращающимися двойными или даже тройными звёздами.

История фабулы и миф сильно противопоставлены друг другу по структуре. Если для диссертации о традициях Пушкина и Гоголя мы знаем множество сохранившихся черновиков и сопутствующих работ, представляющих ответвление основной темы (например, самостоятельную монографию об усадебном сюжете, ср. главу I, § 1 «Роман русской усадьбы» в диссертации), то черновики «Становления мифов» до нас не дошли, то есть на ближайших орбитах пусто. Зато на некотором удалении от текста монографии мы наблюдаем чрезвычайно плотное скопление заметок, выписок, справочных сводов и научных трудов разного характера, объема и степени законченности.

Здесь не место для объяснения феномена сохранности черновиков. По всей видимости, он был связан с представлениями о завершённости работы над текстом. Однако почему уже обсуждавшуюся и в Ленинграде, и в Уфе диссертацию Назиров счёл достаточно «сырой», чтобы сберечь множество черновиков, очевидно, предполагая вернуться к её доработке, а никому не показывавшееся «Становление мифов», в отличие от диссертации не существующее в машинописном (финальном для творческой истории текста) виде, уже достаточно готовым, чтобы избавиться от черновиков, не ясно.

Однако свойства системы назировского архива описываются не только концентрической моделью силовых линий, протянутых от центра к периферии. К числу других важных свойств мы бы отнесли следующие:

1. *Внеиерархичность*; прежде всего, речь идёт о внеиерархичности представленной в архиве информации. При этом следует учесть, что дело не в отсутствии иерархии, приводящей к аморфности. Дело в отключённости *привычного* ценза на значимость, на оппозиции «высокого» и «низкого». Посвятив основное место значимым текстам культуры Р. Г. Назиров коллекционировал информацию, которую можно отнести к бытовой истории и историческим анекдотам. Выписка, содержащая год изобретения замка-молнии, занимает в структуре архива полноправное положение наряду со сведениями, относящимися к философскому осмыслению елизаветинской драмы. Таким образом, бытовая деталь и философское обобщение приобретают в архиве Р. Г. Назирова равноценную телеологичность, служа общей цели осмысления мировой культуры. Таким образом, эта внеиерархичность далека от постструктуралистской, так как не отказывается от ценностного параметра. С другой стороны, такая «внеиерархичность» неизбежно

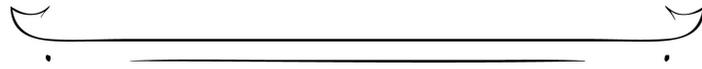
предполагает выстраивание новой иерархии культуры (с отменой и корректировкой старой), а значит, все-таки лежит в одной плоскости с модернистской программой ревизии мировой культуры и выстраивания ее новой модели. Неслучайно, научная мысль Назирова обнаруживает тесное родство и своего рода полемическую преемственность с русской формальной школой, о чем нам уже приходилось говорить и писать¹.

2. *Тематическая всеядность* в чём-то близка названной выше внеиерархичности, но не тождественна ей. В какой-то мере мы уже говорили об этой всеядности, отмечая интерес и к истории математики, и к истории народов Тибета. За тем, каким областям посвящены в архиве Назирова специальные дела, стоит своя внутренняя драматургия. Так, при жизни профессора и коллеги, и ученики были убеждены в отсутствии с его стороны какого бы то ни было интереса к лингвистике. Увлекавшимся лингвопоэтикой ученикам он предсказывал судьбу В. В. Виноградова, которого лингвисты считают литературоведом, а литературоведы лингвистом, и никто не признаёт в нём своего. За новыми работами в этой области Назиров не следил и в погружённости в проблематику замечен не был. В то же, как нам явственно говорит архив, Назиров не мог позволить себе не интересоваться вопросом, предварительно в нём не разобравшись. В одном из дел мы обнаруживаем собственноручно составленный им словарь современной лингвистики, включающий как описание основных направлений и школ середины XX века, так и деятельности крупнейших персоналий и терминологический глоссарий.

3. *Несбалансированность в приращении черновиков и подготовительных материалов.* Отчасти это свойство системы мы тоже уже упоминали. Мы можем долго изучать соотношение черновых материалов к докторской диссертации, но лишены черновых рукописей к «Становлению мифов». Некоторые художественные произведения имеют до десятка вариантов, а черновиков «Творческих принципов Ф. М. Достоевского» не осталось совсем. Есть, правда, предшествующий и частично пересекающийся с книгой текст курса лекций «Достоевский. Проблематика и поэтика», а также ряд недавно обнаруженных в архиве работ о Достоевском («Сюжет и фабула “Преступления и наказания”», «Этическая проблематика “Братьев Карамазовых”» и др.). Однако эти тексты, хотя и входят в орбиту единственной прижизненной монографии Назирова, всё же не являются её черновиками.

4. *Многослойность субъекта.* Мы много говорим об артистизме стиля Назирова-учёного, и держим при этом в уме его художественные (и прозаические, и поэтические) опыты, между которыми, конечно, масса параллелей. Однако, судя по устройству архива, сам Назиров чётко отделял для себя писательские упражнения и

¹ Шаулов С. С. «История формализма в литературоведении» в контексте научной мысли Р. Г. Назирова (предисловие к публикации) // Назировский сборник. Исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. Уфа, 2011. С. 63—65.

научную работу: рукописи того и другого внутри дел не пересекаются. С другой стороны, скажем, в не до конца еще прочитанном нами романе о Пушкине очевидны следы его научных работ, ставших материалом для литературных.

5. *Историзм зрения.* В поле научного зрения Назирова ни один объект не предстает изолированно. При этом сложная система связей, в которых он существует, как правило, развернута именно диахронически. Единичное явление показывается как элемент протяженной во времени целостности. Даже типологические ряды сопоставленных объектов, относящиеся к одному времени, обычно даются Назировым с целью определить общее и особенное в их генезисе. Отчасти это, конечно, обусловлено ориентацией на А. Н. Веселовского, которую Назиров открыто декларировал сам¹. С другой стороны, острый интерес к истории, видимо, был органически ему присущ: так в юношеском дневнике семнадцатилетний Назиров вынашивает замысел труда об истории французской революции. Этим же историзмом одушевлены и его поздние труды. Так, **фабула** в его понимании — универсальный инвариант множества сюжетов, периодически реализующий себя в очередном сюжетном варианте. Сами сюжеты, в свою очередь, изменяются в динамике их восприятия и освоения культурой. Фактическая, текстуально явленная история **мифа** и мифологии в соответствующем труде Назирова предстает как симптом исторического изменения осмысления человека в мире. Вкупе с внеиерархичностью и политематичностью интересов этот историзм не может не породить идеи особого научного жанра *хроники* или *летописи*.

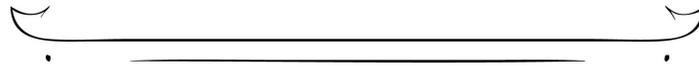
Эта жанровая тенденция в архиве порой заявлена прямо: например, у него есть огромный (сотни рукописных страниц в десятках тетрадей) свод, названный «Летопись XIX века» (точнее, даже две летописи — русская и европейская); принадлежащий перу Назирова большой роман о Пушкине в некоторых черновых вариантах имеет заголовок «Конец александровской эры. Хроника»². Хроникальный характер имеют и материалы по истории Польши, папства etc.

Но это объясняет и своеобразное движение его научной (литературоведческой и культурологической мысли) в сторону публицистики и философии истории. Возможность органически совместить скрупулёзное описание исторических событий и явлений с установлением их внутренней механики и этико-эстетической логики дает только хроникальный жанр. Эта же свойство творческого зрения объясняет и тематическую всеядность и внеиерархичность научного внимания.

Итак, Назировский архив — это архив, в совокупности представляющий детальную и тотальную дескриптивно-аналитическую модель индивидуального осмысления мировой культуры. Слово «детальный» здесь не случайно, учитывая внимание составителя к деталям и реалиям (ср., например, случай с изобретением

¹ См.: Назиров Р. Г. Автобиография // Назировский архив. 2013. № 1. С. 139.

² АРГН оп. 1., д. 79, л. 79-2.

замка-молнии выше), но и тотальность не может не броситься в глаза, когда мы видим очерк турецкой или польской истории соседствующим с записями об истории папства. Собственно, можно воспользоваться словами самого же Назирова, который формулирует, что происходит с авторской стратегией Толстого в «Войне и мире»: «мелочность и генерализация»¹. И понять архив Назирова как систему означает реконструировать его понимание мировой истории и собственного места в ней.

---

¹ «Назирровский архив». 2013. № 1. С. 97.